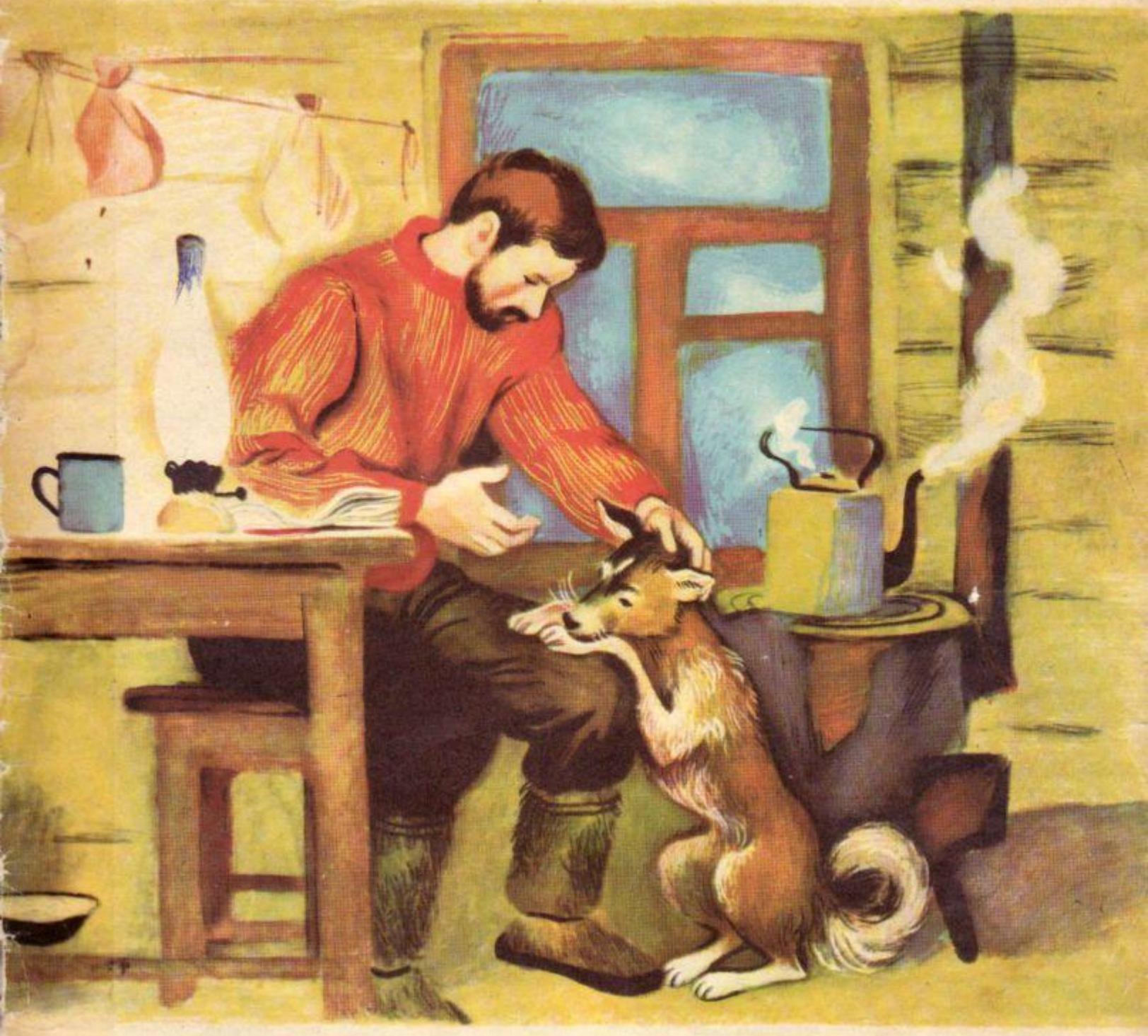

АЛЕКСАНДР

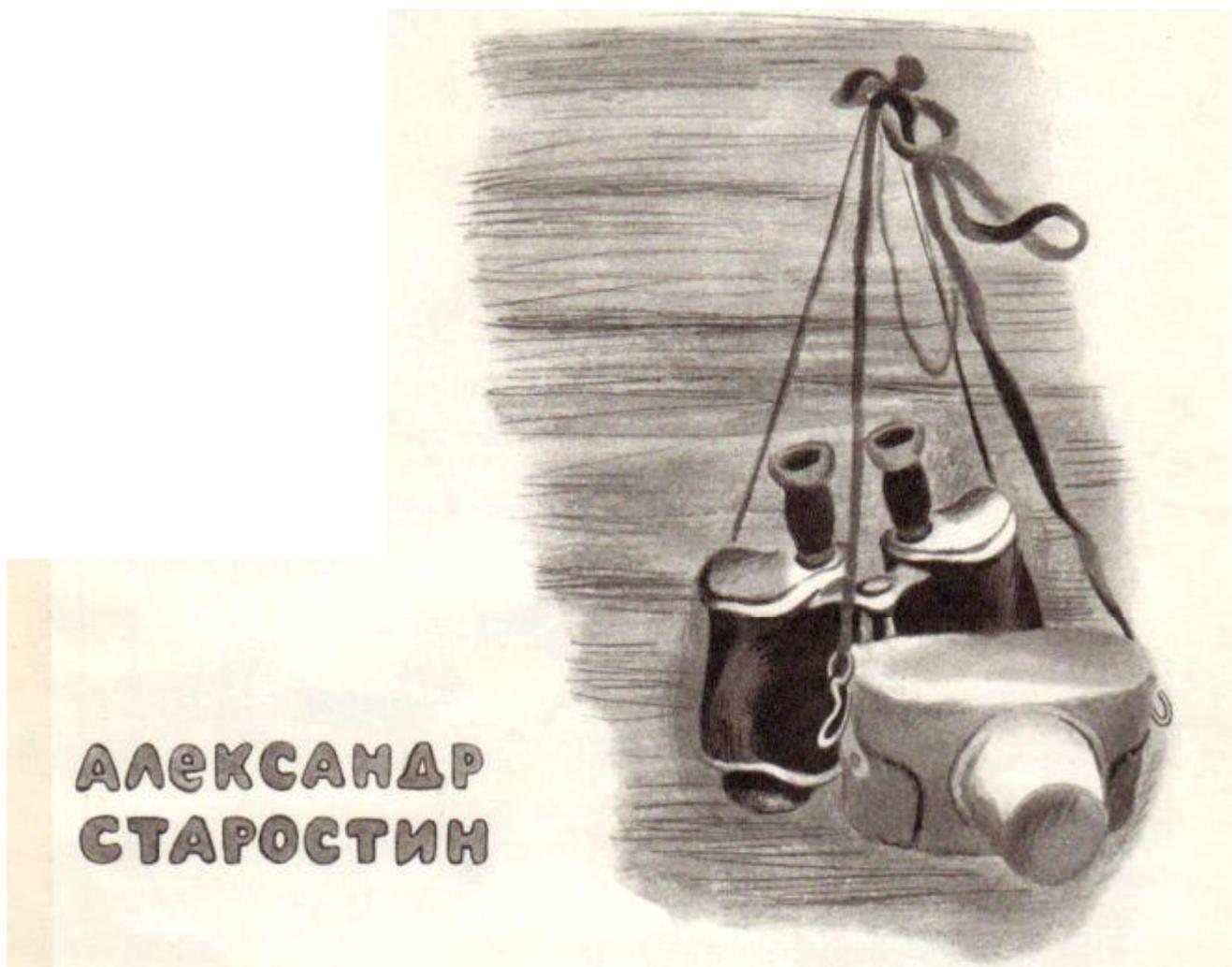
СТАРОСТИН

БАРБОСКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

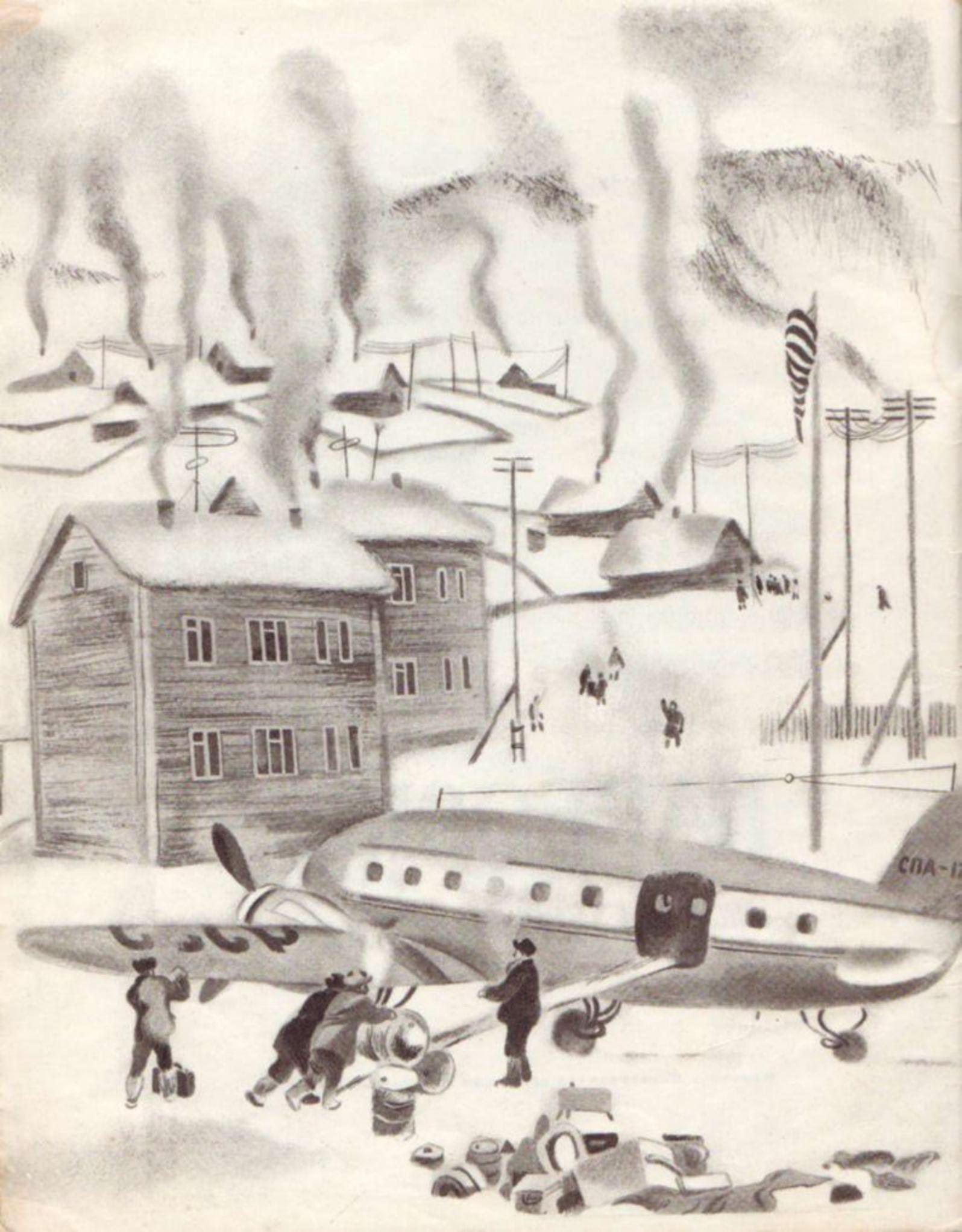

БАРБОСКА

рисунки Е. Чернытина

Москва • Издательство «Детская литература» • 1972

МНЕ НУЖНА СОБАКА

Я собирался в командировку на Таймыр. Это такой полуостров в Ледовитом океане. Там есть места, где живут звери, о которых только сказки рассказывают, а учёные пока ничего толком о них не знают. И вот я ехал в одно из таких мест.

На самолёте я добрался до маленького посёлка на берегу Ледовитого океана. Кругом, куда ни глянешь, снег. Даже дома кажутся выпиленными из снега. И весь посёлок в морозном облаке. Отовсюду идёт пар: из невидимых щелей окон, от собак, даже от самолёта. Пар этот смешивается с лиловым дымом печных труб и неподвижно висит в застывшем воздухе.

Я ждал другого самолёта, чтобы лететь дальше. И пошёл от нечего делать прогуляться.

Впереди я увидел человека с ружьём за спиной. На верёвке он вёл небольшого рыжего пса. Пёсик слегка упирался, не хотел идти.

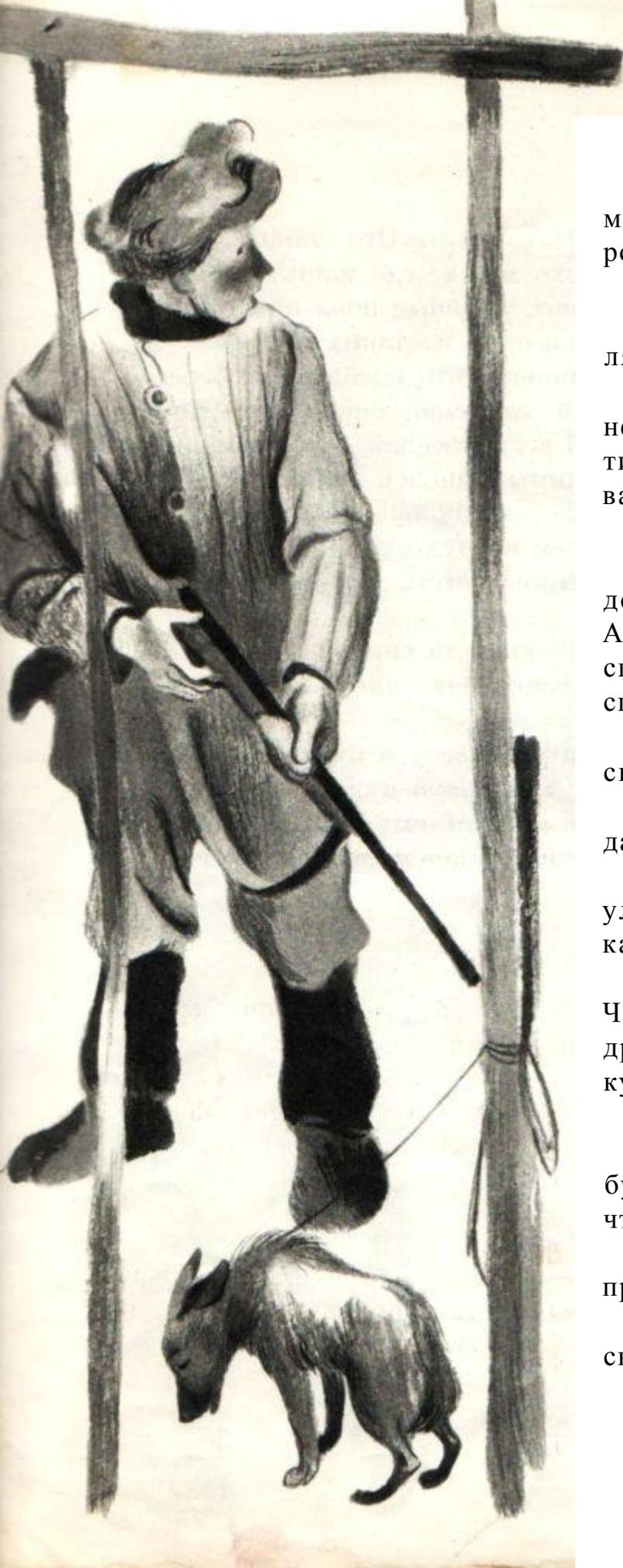
Мне стало интересно, зачем это человеку и ружьё и собака. Если он охотник, то сейчас, кроме тундровой куропатки, никого не встретишь. В этом случае собака будет ему только мешать: распугает птицу. А если он не охотник, то зачем ему ружьё? Я прибавил шагу.

Человек вышел за посёлок и привязал собаку к вешалам (на них летом сушат рыбацкие сети). Что это он собирается делать? Я подошёл поближе и остановился.

Человек вскинул ружьё и прицелился в собаку. И пёс всё понял: он стал шуриться, он дрожал и отворачивался от направленного на него дула.

— Стой! — крикнул я. — погоди стрелять!

Человек опустил ружьё и медленно повернулся в мою сторону.

— Чего тебе? — спросил он.

— погоди, — говорю, — стрелять. Зачем ты его?

— Не хочет работать, лямку не тянет, как положено, — ответил человек, снова прикладываясь к ружью.

— погоди! — сказал я.

— А чего погодить-то? Ездовая собака должна работать. А он только и умеет жрать, да спать, да тьякает не по делу: спать мешает.

Я отвёл дуло в сторону и сказал:

— Мне нужна собака. Продай.

Человек опустил ружьё, заулыбался и поглядел на меня как на дурачка.

— Чего там, бери бесплатно! Что я, живодёр, что ли? Не драть же с тебя денег за собаку, которая никому не нужна.

— Как её зовут?

— Барбоска. Жалеть-то не будешь, что взял лентяя? Да и что это за собака?

Охотник плюнул и пошёл прочь.

Я нагнулся отвязать Барбоску и только тут заметил, что

собачонка и в самом деле слова доброго не стоит. Тощая, грудь узкая, шерсть какая-то грязная и свалявшаяся. И хвост прилеплен к животу.

«Трусливая, наверное, — подумал я, — ну да ладно, вдвоём веселее будет».

НА ФАКТОРИИ

Самолёт я ждал несколько дней. Жил у знакомых. Мне сказали, что в такие морозы самолёты прилетают сюда только в крайнем случае, если кто-нибудь заболел.

С Барбоской мы успели подружиться: я его хорошо кормил. Вначале водил его на верёвке, а потом он и без верёвки следовал за мной как привязанный. Куда бы и ни пошёл, я слышал за собой его семенящие шаги. А если заходил к кому-нибудь в гости, он терпеливо ждал меня под окнами.

Как-то я был в гостях. Вдруг дверь раскрылась, и мне крикнули:

— Самолёт!

Я побежал за своими вещами. Человек, предупредивший меня о самолёте, сказал:

— погоди, я тебе помогу. А вот и чьи-то санки, на них доведём твоё добро.

— Как ты нашёл меня? — спросил я.

По собаке. Торчала иод дверью. Не она — загорал бы ты здесь ещё дня три.

Добрались до аэродрома.

Лётчик спросил сердито:

— Чего резинку тянем? Мотор остыл.

— Собаку искал, — соврал я, — куда-то убежала.

— А-а, ну тогда ладно! — И лётчик погладил Барбоску.

В самолёте пёс сразу забился под сиденье, прижался к моим ногам и тихонько сопел.

Лётчики запустили мотор, и мы пошли на взлёт. Пол дрожал. Барбоска тоже дрожал от страха. Весь груз стал съезжать назад, и Барбоска поехал на животе назад. Потом самолёт наклонился, груз поехал вправо, и Барбоска поехал вправо и царапал пол когтями. Он ещё никогда не летал на самолётах, и, конечно, ему было страшно. Я посадил его рядом с собой. Он испуганно глядел в круглое самолётное окно. За окном расстилался посёлок. Из труб торчали струи дыма. Вот посёлок наклонился — струи дыма тоже наклонились. Самолёт выпрямился, и посёлок стал медленно погружаться в морозный туман, как под воду.

Мы прилетели на маленькую фабрику. Здесь среди низкорослого леса попеременно стояли дома и чумы. И всё дымилось от мороза: и дома, и чумы, и лес.

К самолёту подошли несколько эвенков. Эвенки — это северный народ. Они узнали моё имя, кто я такой, зачем прилетел, как зовут собаку.

Барбоска тем временем сунул нос в мой карман.

Молодой эвенк сказал:

— Хорошая у тебя собака.

— Почему так думаешь? — спросил я.

— Много понимает.

— Что же она понимает?

Эвенк задумался, потом сказал:

— Он маленько понимает, что у тебя лежит в кармане.

— Что же? — поинтересовался я.

— Может, рыба?

Я полез в карман. Там лежал бутерброд с колбасой. Его мне положили на всякий случай, когда я был в гостях.

Барбоска получил бутерброд и тут же съел колбасу.

И только сейчас я заметил, что хвост у него отлепился от живота и теперь лежал на спине твёрдым колечком. И шерсть сама собой очистилась и блестела как смазанная.

— Конечно, хорошая собака! — сказал я.

Все поглядели на Барбоску. Мне было приятно, что эвенки похвалили его. Ведь все они — прекрасные охотники и знатоки собак. Молодой эвенк хотел погладить Барбоску, но тот тихо зарычал: наверное, подумал, что у него хотят отнять хлеб, с которого он только что снял колбасу.

— Мне нужна оленья упряжка, — сказал я, — чтобы уехать к реке Хо'нна-Маки'т.

— Я отвезу, — сказал молодой эвенк. — У меня здесь олени.

Эвенки о чём-то задумались. Старик с длинной трубкой в зубах сказал:

— Там есть зимовье Джонкоу'ля. Хорошее зимовье.

— Где оно, маленько не знаю, — сказал молодой эвенк.

— За второй сопкой, на север по ручью, потом на запад, на шестом ручье увидишь.

— Понятно.

«Чего же здесь понятного? — подумал я. — Как в сказке: пойдди туда, не знаю куда».

Молодого эвенка звали Тыргау'ль. Он пригласил меня к себе в дом переночевать.

ТЫРГАУЛЬ ОДЕВАЕТСЯ

Я проснулся оттого, что в мою щеку уперся чей-то мокрый холодный нос. Это был Барбоска.

Я вылез из спального мешка и увидел в маленьком окошке красное небо. Послышался глуховатый звон бо'тала — колокольчика на шее оленя, — и небо в окошке наполовину загородилось оленьей головой с рогами.

Дверь распахнулась, в избу вместе с облаком пара вошёл Тыргауль.

— Долго спишь, — сказал он, — олени готовы.

Я стал одеваться. Он молча следил за мной. Потом сказал:

— Плохо!

— Что плохо?

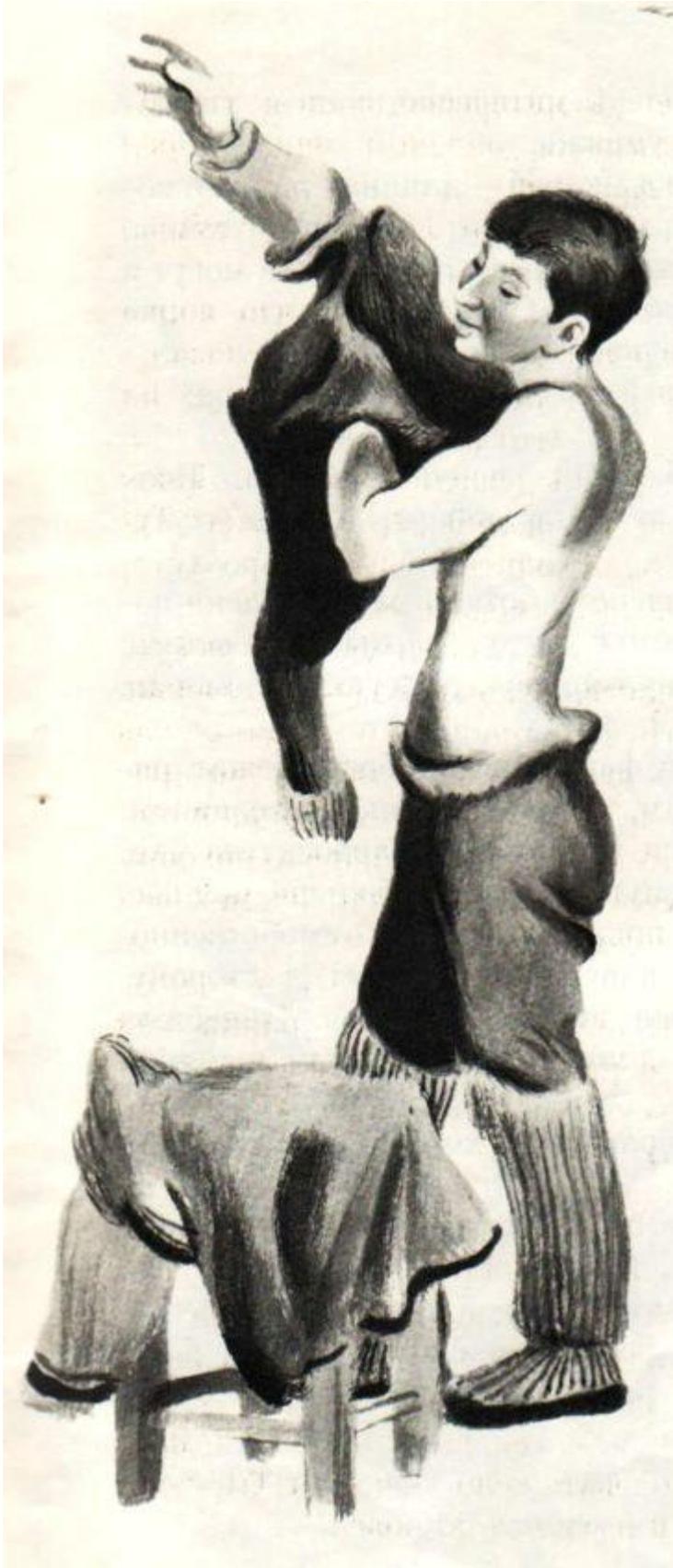
— Одеваешься плохо. Зачем надел па себя полмагазина? Тяжело ходить будет, скоро устанешь, замёрзнешь.

Тыргауль разул одну ногу и показал, как обуваются эвенки. На шерстяной носок намотал, как портянку, сухую осоку, которую здесь называют хай'ктой. А потом уже надел бакари' — меховые сапоги выше колен, на меховой подошве.

— Так совсем легко ходить. И тебя не слышно. Ходишь как зверь — хорошо. Ноги всегда сухие. Провалишься в воду — хайк-ту замени, носки замени — ноги опять будут сухие. Ты совсем плохо обулся. Зачем десять носков?

Тыргауль принёс мне хайк-ты, и я обулся, как обуваются эвенки.

— Теперь гляди, как надо одевать тело, — сказал Тыргауль и разделся до пояса.

Мы с Барбоской глядели, как он одевается.

— Свитер на голое тело надо, спина не потеет, — сказал он, натягивая свитер. Потом надел меховой нагрудник. — Болезнь через грудь идёт, — объяснил он. — А так не пройдёт, в меху застрянет.

За нагрудником последовали безрукавка и парка — оленья шуба, сшитая заодно с рукавицами, чтобы снег не попадал в рукава. На голову он надел шапку и повернулся ко мне спиной. Сзади на шапке был нашит кусок тонкого брезента.

— Чтобы снег не сыпался за шиворот, когда задеваешь ветки, — сказал Тыргауль.

"ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА"

У забора стояли две оленьих упряжки. Тыргауль отвязал свою и намотал вожжу на рукавицу. Оглянулся на меня. Его лицо было красным от холода и солнца.

Собаки со всей фактории собрались около нас и недобрыми глазами поглядывали на чужака Барбоску. А Барбоска, чувствуя недоброе, крутился у меня под

ногами и делал вид, что ему очень интересно, как я увязываю на нартах груз и поправляю упряжь.

На снегу рядом с нартами лежал хорей — длинная палка с костяным шариком на конце. Когда хорей лежит — олени спокойны. Но стоит взять его в руки, они начинают рваться вперёд, а могут и вообще удрать, если упустишь вожжу. Олень знает, что хорей просто так не берут. Хорей в руках — значит, вперёд!

Тыргауль подбросил свой хорей ногой, поймал его и уже на ходу прыгнул в нарты.

Я не стал подбрасывать хорей ногой — вдруг не поймаю. Подкатил его к себе и поднял с земли, когда сел в нарты. Олени рванулись вперёд.

Защёлкали копыта, глухо зазвенело ботало на шее оленя-вожака, зашуршали полозья по сухому снегу, нарты закачались, как на волнах. Одну ногу я вытянул вперёд, другую поставил на полоз.

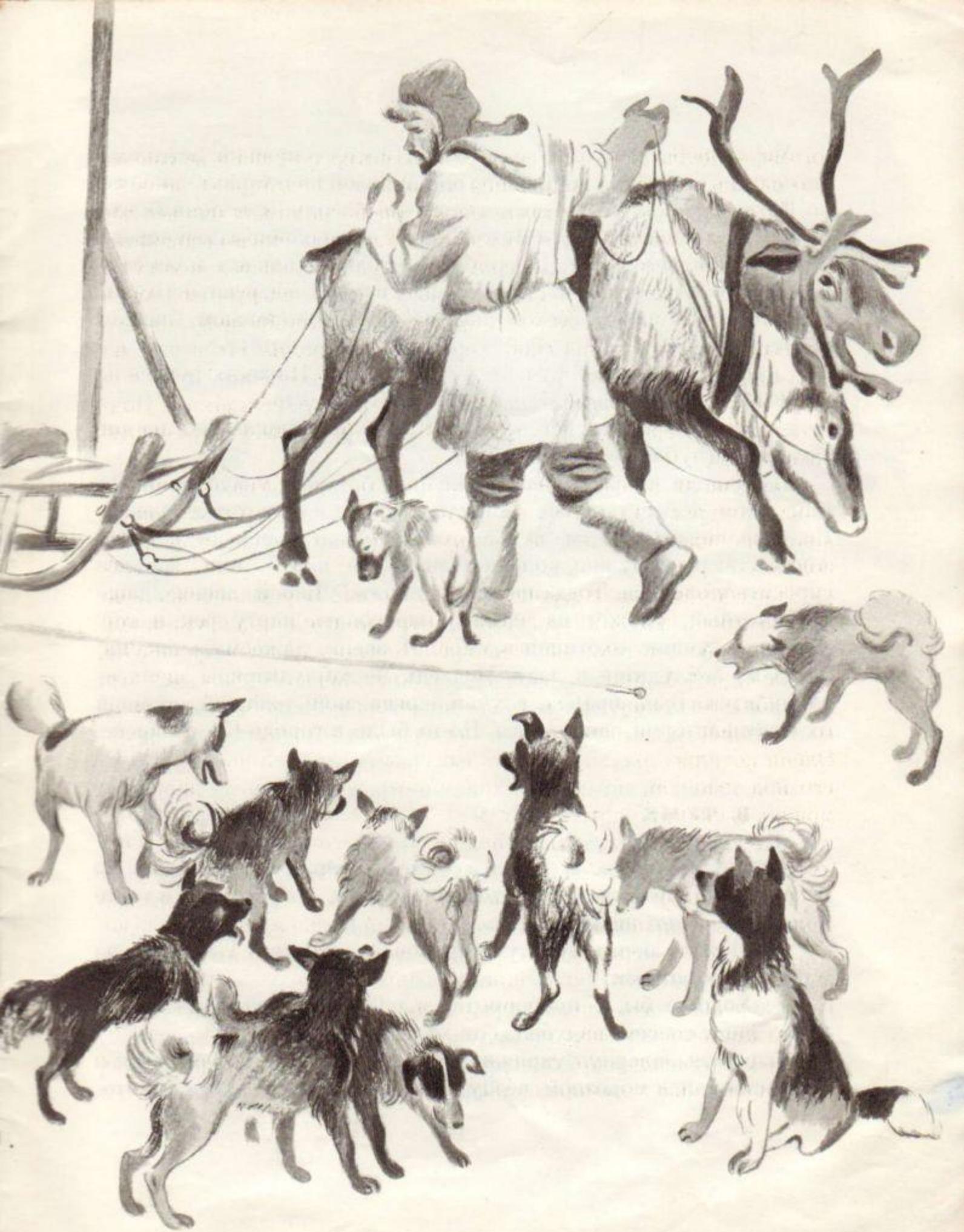
Нас сопровождали собаки всей фактории. Барбоска бежал рядом со мной, чтобы показать псам, что он не один, а с хозяином. Но один пёс всё-таки изловчился и хватанул Барбоску за ухо. Я огрел драчуна хореем. Олени испугались хорей больше, чем пёс, и прибавили шагу. Шерсть их покрылась инеем от собственного дыхания, рога плавно покачивались из стороны в сторону. Олени косились на хорей, который висел над ними. Я держал его под мышкой, но он был так длинен, что костяным шариком можно было постучать по рогам.

«Надо будет научиться подбрасывать хорей ногой», — подумал я.

Мы съехали с крутого берега на лёд реки. Собаки стали помаленьку возвращаться в посёлок. С нами остался один Барбоска.

Паш путь лежал между высоких берегов. Солнце мигало из-за голубых от инея лиственниц, росших наверху. Тени от берега и деревьев лежали поперёк реки. Тени оленей бежали. Они были длинноногие, как на ходулях.

Но скоро наступили сумерки, засияли звёзды. Впереди обозначалась сопка в дымной шапке, а рядом — Луна.

Упряжку Тыргауля я не видел. Вместо упряжки катилось впереди облачко, освещённое Луной, и назойливо тарахтело ботало. Потом ботало стало греметь где-то вверху, и я понял, что Тыргауль забирается на высокий берег. Мои олени взяли вправо и тоже пошли в гору. Наверху Тыргауль подождал меня. Теперь нас окружала тайга. Далеко внизу извивалась река, и дымился залитый лунным светом лес на противоположном, низком берегу.

— Где же шестой ручей? — спросил я. — Никаких ручьёв не вижу. Кругом снег один.

— А вот первый ручей, — сказал Тыргауль, показывая на еле заметное углубление.

И я понял, что нужно насчитать шесть таких углублений. По ним летом побегут ручьи. Побегут, побегут и встретятся с рекой. Будешь спускаться по ручью, обязательно выйдешь к реке. А как идёт река, нужно, конечно, знать по карте или заранее спросить у эвенков. Тогда не заблудишься. Любой эвенк, даже неграмотный, сможет на память нарисовать карту рек и гор. Эвенки — лучшие охотники в мире. И эвенк, даже мальчик, никогда не заблудится в лесу. Медведь не заблудится, и эвенк не заблудится. Был, правда, случай, когда мой товарищ, лучший охотник фактории, заблудился. Но то было в городе Красноярске.

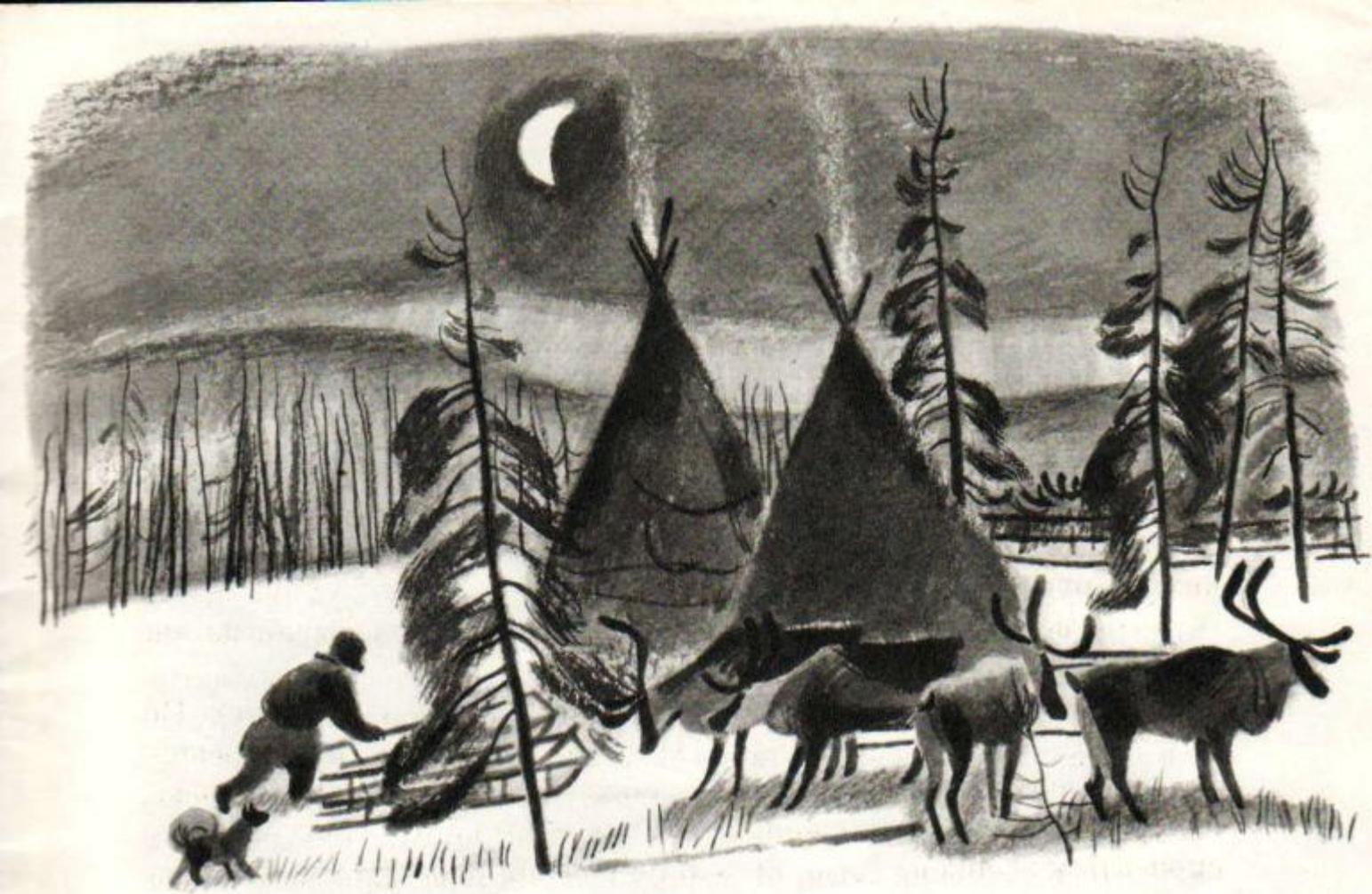
В ЧУМЕ

Ехали мы долго. Я устал и совсем замёрз. Когда едешь по реке, можно пробежаться рядом с нартами, погреться, а в тайге ночью особенно не побегаешь.

— Может, переночуем у стариков? — спросил Тыргауль на одной из остановок.

— Хорошо бы, — пробормотал я, еле двигая губами: кожа на моём лице совсем задубела от холода.

Тыргауль завернул упряжку, и скоро я услышал лай собак и почувствовал в морозном воздухе дым костров. А через некото-

рое время показались чумы, подсвеченные изнутри. Из их верхушек торчали железные печные трубы, а из труб летели искры.

Нас встретили собаки, а потом из темноты выплыла человеческая фигура в белой парке.

Барбоска жался к моим ногам. Он не хотел драться с собаками: их было много.

Открылась полость чума, и в освещенном треугольнике показался ещё человек. Полость закрылась. Шаги приближались к нам.

— Иди в чум, грейся, — сказал мне человек, лица которого я в темноте не мог разглядеть.

Наших оленей тут же распрягли. И они отошли подальше, приюхиваясь к снегу. Теперь их тела были освещены лунным светом, казалось, что они сами сделаны из света. Вожак стал рыть копытом снег — откапывал прошлогоднюю траву и мох.

— А куда деть собаку? — спросил я.

— В чум пусть идёт, греется. Здесь собаки шибко сердитые. Ко мне подошёл Тыргауль.

А как найдут наших оленей? — спросил я его. — Ведь здесь их гуляют сотни, и все похожи. Попробуй отыщи.

— Однако, непохожи, — возразил Тыргауль, — они, как люди, все разные. Глаза есть — гляди. Оленевод всех своих оленей знает в лицо. Иначе что же это за оленевод?

Я откинул полость чума и быстро прошмыгнул внутрь, чтобы поменьше напустить холода. Барбоска влетел следом за мной.

Чум был сделан из тонких деревьев, накрытых шкурами. Посреди чума — железная печка, а над печкой палки буквой «П», на них сушилась одежда. На маленьком сундучке стояла керосиновая лампа, освещающая сбоку сморщенные лица старика и старухи. Они сидели, сложив ноги крест-накрест.

Мы поздоровались. Старик молча показал на белые шкуры против входа — это почётное место для гостей. Мы с Тыргаулем сели, тоже скрестив ноги. Я заметил на шкуре капельку воды, значит, их внесли в тепло недавно, в ожидании гостей. А о том, что едут гости, предупредили собаки. Хозяин всегда знает, на кого лает его собака.

Барбоска покрутился на одном месте и лёг, свернувшись калачиком. А нос направил к печке, к сковородкам.

Старуха молча показала рукой на мои бакари. Я их снял. Она внимательно осмотрела подошвы, нашла дырку, достала иголку, вдела в неё оленью жилку и стала зашивать. Потом вывернула их и повесила сушиться. Ткнула пальцем в бакари Тыргауля — тот также разулся.

— Может, чаю попьёте? — наконец произнесла старуха и кинула нам нагретые у печки меховые носки.

— Попьём, — сказали мы.

Старуха пододвинула к нам столик с ножками высотой с охотничий патрон и поставила на него обе сковородки. Барбоска поднялся, с интересом поглядел на сковородки, потом на меня и тихо застонал. И пока мы ели, Барбоска сопел за моей спиной, наклонял голову то в одну сторону, то в другую. Потом не выдержал

и положил мне на плечо лапу. Я собрал кости со стола и передал Барбоске. И ещё я заметил, что Тыргауль кости обглаживает неаккуратно, как и я, чтоб побольше досталось собаке.

Мы наелись до отвала, потом выпили по две больших кружки чая и только после этого старик спросил меня, кто я такой, как меня зовут, есть ли у меня отец и мать, как зовут отца, как зовут мать, сколько мне лет, сколько лет отцу, сколько матери, как зовут мою собаку, как зовут мою дочь, сколько ей лет. И ещё старик спросил, как же можно жить в Москве, если там нет оленей. Наверное, плохо живётся в Москве, нет оленей — мяса нет, шкур нет... И собаки в Москве плохие? Ничего не умеют делать? Тогда совсем плохо.

Старуха поглядела на меня с состраданием и сказала:

— Может, ещё чаю попьёшь? У нас много мяса, сейчас нажарю.

— Нет, спасибо, — поблагодарил я.

Из соседних чумов пришли другие оленеводы. Все мы сидели вокруг печки, курили и улыбались друг другу.

Потом все разошлись, я залез в свой спальный мешок и уже сквозь сон чувствовал, как старуха накрывает меня сверху шкурой. Печка прогорела, и в чуме сделалось холодно. Рядом посапывал Барбоска. Во сне он дёргал лапами и тихо повизгивал: ему снились сны.

На другой день мы собрались уезжать. Нас накормили до отвала, дали с собой еды на дорогу и запрягли наших оленей.

У меня в рюкзаке была трубка в виде орлиной лапы, держащей чашу, и я подарил её старику. Когда мы отъехали, я оглянулся. Оленеводы рассматривали трубку и качали головой. Такой они ещё никогда не видели.

Ехали мы весь день. Наступил вечер, потом ночь. Я уже думал, что мы заблудились. Никаких ручьёв я, конечно, не видел. Но вот в стороне показалась избушка, в её маленьком окне отразилась луна и погасла.

Тыргауль остался распрягать оленей, а я пошёл в избушку. Чиркнул спичкой, увидел керосиновую лампу, поболтал ею над ухом, зажёлг и первым делом увидел печку, а рядом охапку сухих

дров. На столе лежала пачка махорки, обрывок газеты и спички. На потолке — мешочки, подвешенные за проволоку.

Я растопил печку и стал осматриваться. Под нарами я нашёл топор, чайник и кастрюлю. В мешочках оказались сухари, мука и пшённая крупа. Я набрал в чайник снега и поставил на печку. Когда Тыргауль вернулся, чайник уже вскипал.

Под утро меня разбудил Барбоскин лай. На соседних нарах заворочался Тыргауль. В темноте я видел, как он приподнялся на локте и внимательно слушает.

Барбоска, казалось, с ума сошёл от злости.

— Разлаялся, — проворчал я, — только спать мешает, — и заткнул уши.

Тыргауль не выдержал.

— Надо поглядеть, — сказал он, сунул босые ноги в бакари и, как был в трусах, вышел с ружьём из избушки.

Через минуту я услышал выстрел, и тут же в зимовье влетели и дрожащий от холода Тыргауль, и запорошённый снегом Барбоска. На стол тяжело упал большой соболь-самец. Я понял, почему Барбоска мешал спать своему бывшему хозяину.

— Где сахар? Дай ему сахару! — сказал Тыргауль. — Скорей!

Я вылез из мешка и совсем не почувствовал холода.

— Твой соболь, — сказал Тыргауль.

— Нет, сказал в, — не мой. И давай не будем спорить.

— Собака твоя. Ружьё твоё.

— Собака и ружьё ни при чём, — перебил я его. — Зачем зря говорить?

Потом Тыргауль попил чаю и уехал, забрав соболя. Я остался один с собакой.

ВДВОЁМ В ЗИМОВЬЕ

Я вышел из зимовья и зажмурился. Было солнечное морозное утро. Неподвижно стояли голубые лиственницы, намёрзшие на розовое небо, как ледяные узоры.

Я надел лыжи. Барбоска поглядел на меня, стараясь догадаться, куда это я направляюсь. А я сам не знал куда.

Мы бродили целый день. К вечеру выбрались к сопке.

которая издали походила на дымящуюся розовую шапку, отороченную снизу тайгой.

Весь день Барбоска молчал, носился где-то в стороне, я его почти не видел. Только иногда он выкатывался на тропу, поглядывал на меня и снова исчезал.

И вдруг он залаял. И мне показалось, что вместе с ним гулко зарокотало в горах. Я прислушался: да ведь это просто эхо. Было странно, что звонкий собачий лай превращается в такие величественные раскаты.

Я двинулся к Барбоске, глянул по направлению его носа и увидел белку. Это он на неё лаял. Да что белка! Рядом проходил след какого-то незнакомого зверя. Если бы сейчас был июнь, то можно было подумать, что это след телёнка дикого оленя. Но сейчас март, и телята ещё не родились. Да и отпечатки копыт, если внимательно приглядеться, совсем не похожи на оленьи. Скорее всего, это был след таймырского толсторога, о котором ещё толком ничего не известно. О нём пока рассказывали только небылицы, а кое-кто из знатоков утверждал, что такого толсторога вообще нет.

След шёл по замёрзшему ручью к голубым сосулькам водопада. Там стояли скалы, похожие на поставленную торчком вязанку дров. Я вышел к скале, дальше след терялся в камнях. Быстро темнело. И мне ничего не оставалось, как вернуться в зимовье.

После ужина Барбоска долго вздыхал, долго не мог найти удобного положения, наконец устроился, заснул. И даже во сне продолжал за кем-то гоняться и от кого-то удирать: он вздрагивал и тихо повизгивал. Веки его закрытых глаз дрожали, лапы двигались, нос шевелился. Значит, ему спились и запахи тайги. Я глядел на него и думал: «Вот

живое существо, и ему снятся сны. И у него есть память и какие-то собачьи мысли. И если б не он, я бы не встретил следов толсторога».

Ещё я вспомнил лицо бывшего хозяина Барбоски и подумал: «А что, если бы я не вышел тогда прогуляться?»

И мне сделалось страшно.

Каждое утро мы уходили в тайгу наблюдать зверей. Мы встретили следы дикого оленя, сохатого, волчьей стаи, зайца, соболя и песца. А одного волка мне удалось даже сфотографировать. Это получилось случайно. Можно сказать, просто повезло. Он бежал с озабоченным видом по берегу реки. Я шёл с таким же озабоченным видом по противоположному берегу. И как я его заметил, сказать трудно: я не слышал его шагов, я не мог его унюхать — я его «почувствовал». Повернулся — он. Большой, рыжий, красивый.

В этот момент глухо заговорили горы — посыпались камни. И эхо долго на разные голоса повторяло этот гул. Волчина остановился, прислушался. Горы его не испугали, он знал, что это такое. Когда же раздался еле слышимый даже для меня щелчок фотоаппарата, он мелькнул как тень и исчез в кустах. Я даже не успел перемотать плёнку для следующего снимка.

Мы ходили помногу. Возвращаясь в зимовье, я только и успевал приготовить ужин, сделать записи в дневнике и, не дослушав последних известий по приёмнику, засыпал.

В одну из ночей вдруг завывало, замело. Я ждал утра, но казалось, утро отменили. Стояли сумерки. Иногда пурга завывала, как хор каких-то жутких женщин. Рядом с избушкой скрипела мёртвая лиственница, будто дверь на заржавленных петлях.

Я высунулся из зимовья — сплошной белый дым и вой. И нет ни неба, ни земли, ни деревьев.

— Ну, Барбоска, отдыхаем! — сказал я весело, хотя знал, что в тайге самое худшее — отдых: начинаешь вспоминать свою жизнь, свой дом, думаешь о том, как бы хорошо сходить в кино или попить молока со свежим хлебом. И вообще всякая ерунда лезет

в голову. И хочется с кем-то поболтать, а не с кем. Разве что с собакой?

Я закурил и стал говорить с Барбоской. Я задавал ему вопросы и сам отвечал на них, вроде бы это Барбоска отвечает.

— Ну, как жизнь?

Барбоска положил мне голову на колени.

— Жизнь прекрасна, говоришь? Конечно, всё хорошо! Может, завтрак приготовим? Есть, наверное, хочешь?

Барбоска заболтал хвостом.

— Хочешь. Я тоже хочу. Только наши припасы подходят к концу. Сухари остались, два куска сахара да кое-что из круп. Не разжиреем, говоришь? Ну конечно, не разжиреем, но и с голоду не погрём. Будем тонкие и звонкие. И барана мы не увидели. Убежал толсторог. Ах, он такой-сякой, говоришь? Правильно, молодец! А может, мы не будем завтракать, а сразу пообедаем? Сейчас нам нужно экономить продукты. Нельзя уйти отсюда, не увидев барана. Ведь правда, нельзя? Давай-ка лучше поспим.

Барбоска зевнул, потянулся, пошёл на своё место и, вздыхая, свернулся клубком.

Так ты всё понял? — пробормотал я, несколько озадаченный.

И мы заснули иод вой пурги.

Потом пообедали, слушали радио. Я пришил пуговицу.

Делать было нечего. Пурга всё не прекращалась. Я вспомнил свой дом и свою дочь, и мне захотелось к ней. Чтобы ни о чём не думать, я стал чистить ружьё. Не помогло. Мне было очень одиноко. Тогда и не спеша оделся и выскочил из зимовья. Барбоска устремился за мной, по я не пустил его, захлопнул дверь перед самым его носом. Отошёл в сторону, долго глядел на светящийся квадрат окна и думал:

«Вот моё окно. И меня ждут».

Я долго стоял, замёрз, потом бодрой походкой направился к зимовью. Дёрнул за ремешок, прибитый вместо ручки, — и в самом деле меня ждал Барбоска и с радостным визгом кинулся навстречу.

СОХАТЫЙ

Командировка подходила к концу. Многих зверей мы увидели, сфотографировали и описали. Лишь толсторога никак не удавалось встретить.

Продукты кончились, остались одни сухари. Пора было уезжать. Но в последний день я снова наткнулся на след толсторога и решил, что надо остаться. Как-нибудь перебьёмся. Денёк-другой проживём на сухарях. А там, глядишь, добуду дикого оленя — вот и мясо.

Ранним утром я уже был на ногах. Сказал Барбоске:

— Повнимательнее там!

Он побежал по лыжне. Начёсы на его задних лапах болтались, как штанины трусов. Он поднырнул под белые кусты и исчез.

Он всегда искал молча и не лез на глаза, как некоторые собаки, желающие показать, какие они трудолюбцы. Я долго не видел и не слышал его, хотя он был где-то рядом. И поэтому,

когда в стороне послышалось его частое дыхание, я остановился. Нет, всё тихо. Барбоска неуверенно тьякнул, зашуршали кусты — и снова тишина.

Трудно сказать, что меня заставило свернуть с лыжни. Но я свернул, отыскал собачий след и пошёл по нему. Не сделал я и десятка шагов, как увидел: собачий след соединился со следом сохатого и запетлял между отпечатками больших раздвоенных копыт.

Я пошёл по следу.

След показался мне странным. Похоже было, что зверь сбился с бега и чертил снег копытами. А ведь сохатый никогда не волочит ноги. Я прибавил шаг.

Вот он надавил грудью на тонкую ольху, пропустил её между передних ног и объел вершинку — деревцо сломалось. Вот он лёг отдохнуть — снег в крови. Кто же его ранил?

Я побежал что есть силы к тому месту, где ручей делал петлю.

«Если он двинется вверх по ручью, а я — наперерез ему через овраг, то оставлю петлю в стороне и встречу его в лоб», — думала.

Даже мои широкие лыжи проваливались — так рыхл был снег, спина вся взмокла, грудь ходила ходуном, воздуха не хватало. Я добежал до склона, понёсся вниз, упал, зарывшись головой в снег, и чуть не задохнулся под снегом. Выбрался наружу, покатился дальше. Снег таял на моём лице и стекал за воротник.

Съехал на дно оврага — снег был чист.

«Пошёл другим путём», — подумал я и сразу вспомнил, что мешочек с сухарями заметно похудел. Я кое-как отдышался и отыскал глазами поваленное дерево, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями.

И вдруг в стороне, откуда, по моим предположениям, должен появиться сохатый, раздалось Барбоскино потявкиванье. Что это он там вытворяет?

Я прошёл вперёд, поднял к глазам бинокль и обомлел. На полянке стоял огромный, как монумент, зверь, а рядом с ним крошечный Барбоска. Пёс не лаял, а мелко перебирал лапами на месте, раскланивался и, как мне показалось, улыбался. Потом

упал на спину и стал кувыркать-ся, подняв облако снежной пыли. Встал, чихнул и снова рухнул, задрал лапы кверху. Огромный зверь, наклонив голову, глядел на мою собаку. Наверное, он никак не мог понять, что здесь такое происходит и зачем всё это нужно. А может, он ослаб от ранения и поэтому не убежал.

Я вскинул ружьё и прицелился.

КТО ХОЗЯИН?

Я подошёл к убитому зверю, смахнул с поваленного дерева снег, сел и закурил. Ну вот, теперь мы с мясом.

Не успел я докурить папиросу, как в чаще послышался лай собак и появился Тыргауль на широких лыжах, подбитых камусом — коротким жёстким мехом, снятым с ног оленя. Такие лыжи скользят только вперёд, а назад никак: мех топорщится и тормозит.

Он поздоровался, сел рядом, закурил, о чём-то задумался. Потом спросил:

— Ты выстрелил?

Я подумал, что он сейчас меня похвалит за меткий выстрел, и сказал небрежно:

— Да.

Тыргауль продолжал о чём-то думать и не торопился хвалить меня. Наконец произнёс:

— Плохо.

— Что плохо?

— Я гнал его к своему чуму. Хотел убить около чума. Теперь мясо далеко таскать.

Я только руками развёл. Вот это охотник! Он знал, куда побежит раненый зверь.

Собаки уже понюхались — поздоровались — и лежали у наших ног. Но когда Тыргауль подошёл к туше, у Барбоски поднялась на загривке шерсть, и он тихо зарычал. Наверное, считал, что добыча принадлежит только ему и хозяину.

— Ругается, однако! — засмеялся Тыргауль.

И в этот момент Барбоска цапнул его за штаны. Собаки Тыргауля накинулись на Барбоску. Поднялась такая кутерьма, что не поймёшь, кто против кого выступает. Даже собаки Тыргауля, приятели, покусали друг друга в пылу сражения.

Я пинками кое-как навёл порядок и привязал Барбоску к дереву. Он задыхался от злости, вставал на задние лапы, хрипел, кидался вперёд, но верёвка опрокидывала его на спину. Он никак не мог примириться с тем, что Тыргауль разделывает тушу.

Я подошёл, чтобы помочь Тыргаулю, но теперь его собаки зарычали на меня: они считали, что добыча принадлежит только им и их хозяину. Пришлось и их привязать.

Бедные собаки совсем охрипли от злости, пока мы обрабатывали тушу.

Потом мы обрубали вершинки четырёх лиственниц и сделали на них бревенчатый пастил. Разнятое па куски мясо сложили наверху и накрыли шкурой. Шкура задубеет на морозе, и нашу добычу не растащат звери и птицы.

— Приходи, бери сколько надо, — сказал Тыргауль.

Мы посидели на поваленном дереве, отдохнули и разошлись. Я кинул Барбоске кусок мяса. Он побежал вперёд.

Добрались до зимовья, когда уже возшла луна. Я растопил печку, нажарил мяса, вскипятил чай. Сел за стол и услышал в темноте чавканье: оказывается, Барбоска съел не весь свой кусок, а немного оставил на потом. «Наверное, он решил поужинать вместе со мной». — подумал я.

РОСОМАХА

Несколько дней мы бродили по тайге — и всё напрасно. Я потерял надежду встретить толсторога и уже начинал думать, что его следы мне приснились.

Была серая погода, только горы слепили глаза ровным белым светом. Мы возвращались домой.

Барбоска плёлся сзади. Он устал.

— Сделаем небольшой крюк, возьмём мяса, — сказал я ему, — придём к себе — и спать. Как ты думаешь?

Пёс вяло шевельнул хвостом. Ему лень было даже хвостом шевелить, так он устал. Но, подходя к лабазу, он весь подобрался, и шерсть на его загривке поднялась дыбом.

«Уж не побывал ли здесь кто-нибудь?» - подумал я, глядя на собаку.

Барбоска приставил нос к земле и заносился вокруг лабаза. Его усталость как рукой сняло. Я осмотрелся. Всё тихо. Ветер обдул лиственницы, и они стояли тёмными скелетами на светящемся, как матовое стекло, снегу.

Подошёл к лабазу и сразу понял, что взволновало Барбоску — я увидел продолговатые, с отпечатками когтей, следы росомахи.

«Но не могла же она залезть на лабаз», — подумал я и, оставив на снегу ружьё и рюкзак с фотоаппаратом, биноклем и топором, полез наверх. Лабаз стоял нерушимо. Только задубевшая шкура была приподнята и завернута, как жесть, и ляжка сохатого исчезла.

«Однако, залезла, — сказал я себе. — Как? Догадаться не трудно — по этой лиственнице. Ну и хитрюга!»

Тонкая лиственница лежала прислонённой к настилу. Как это мы не догадались её срубить? Может, не заметили? А росомаха заметила, сломала её и по ней забралась наверх. Ляжку она спихнула — это понятно. Вот и яма в снегу. Я спрыгнул вниз и взял ружьё и рюкзак. От ямы шла широкая борозда, а на борозде следы. Что-то непонятно. Я задумался. Хотя нет, всё понятно: росомаха шла задом наперёд! Мне это показалось смешным. И я пошёл по следу, представляя, как маленький неуклюжий зверь идёт хвостом вперёд. Она шла так целую версту! Я совсем развеселился: ведь охотник, глядя на след, видит не просто ямки па снегу, а зверя, который этот след оставил.

Борозда съехала в небольшую яму. Вот и ляжка сохатого.

Росомаха закидала её сверху сучьями. Значит, она сюда вернётся. Я присел на корточки и стал рассматривать ляжку. Зубы росомахи проходили по смёрзшему мясу бороздками, как резец. А там, где попадалась кость, строгали и кость. Вот так зубы!

Потом я внимательно рассмотрел следы и даже сфотографировал их.

Вдруг я услышал вдалеке Барбоскин лай. За работой я совсем забыл о нём. Так злобно и с подвизгиваниями он никогда не лаял. Я испугался за него: ведь собака для росомахи — не противник. Один удар её лапы — и прощай, самый сильный пёс.

Я схватил ружьё и поспешил на лай.

Мой путь лежал чуточку под уклон, я несся, петляя между стволами. И увидел на снегу, за тонкими лиственницами, росомаху. Неподалёку от неё заливался отчаянным лаем Барбоска. Хвост его был под животом. Я остановился. У росомахи было острое рыло, она чуточку походила на медвежонка с пушистым хвостом. От локтей её толстых лап свисали густые начёсы.

Росомаха дёрнулась в сторону Барбоски и сердито рявкнула: отстань! Мой пёс кинулся наутёк. Но скоро он почувствовал, что его не преследуют, а даже наоборот — уходят, и бросился на своего врага, не нарушая, однако, почтительного расстояния. Росомаха обернулась и снова рявкнула и тут увидела меня. Барбоска меня не видел, но по морде росомахи почувствовал, что подошло подкрепление, и это прибавило ему храбрости. Его хвост завернулся на спину, и он залился на всю тайгу. Однако умный пёс понимал, с кем имеет дело, и не шёл на сближение со зверем.

Росомаха побежала прочь. Расстояние между нею и псом быстро сокращалось, и она залезла на дерево. Теперь Барбоска совсем осмелел: он слышал за собой шорох моих лыж. Барбоска заносился вокруг дерева, потом подпрыгнул, ухватился зубами за сучок, но сучок обломился, пёс упал, обо что-то ударился и совсем задохнулся от боли и злости. Он даже пытался рыть снег под деревом. Но росомаха не обращала на него внимания. Она следила за мной. Стрелять я не хотел. Глупо убивать зверя просто так. Ведь я не собирался её съесть. Ведь я не голоден. И у

нас есть мясо. А в том, что нас ограбили, мы сами виноваты: нужно было срубить ту лиственницу. «Пусть живёт», — подумал я и крикнул:

— Барбоска, ко мне!

Но он сделал вид, что не слышит меня.

Росомаха молча следила за мной своими чёрными, блестящими глазами. И не было в её глазах ни страха, ни злобы, ни обречённости. Она хотела, чтобы её оставили в покое.

— Барбоска! — крикнул я.

Но пёс забыл, что должен выполнять команды хозяина. Подойти ближе и взять его за шиворот я не решился: у росомахи было безвыходное положение, она могла кинуться и на меня.

Стоя без движения, я стал быстро замерзать. Спрятал бороду в воротник свитера, натянутый чулком. Потом и нос спрятал в этот чулок, покрывшийся от дыхания льдом. Барбоска по-прежнему не слушался меня. Я вскинул ружьё. У меня тоже было безвыходное положение.

Росомаха, падая, продолжала цепляться когтями за сучья. Но не было в её могучих лапах силы. Она была мертва. И что толку ругать Барбоску?

Шкуру росомахи я решил сшить в зимовье.

«Подарю Тыргаулю»,— подумал я.

Шкура росомахи у северных народностей очень ценится, хотя мех её груб и не очень-то красив. Но, наверное, это единственный зверь, чья шкура не покрывается инеем и не намокает, даже если облить её водой: вода стряхивается с неё, как ртуть.

Я присел на корточки, передние лапы росомахи закинул себе на плечи, а задние приторочил верёвкой вокруг пояса. Но только я стал подниматься, как тут же повалился на спину. Это Барбоска, увидев у меня на спине убитую росомаху, подумал, что она ожила, и, храбро вцепившись в неё зубами, повис на ней.

Я вначале рассердился, потому что вывалился весь в снегу, но тут же понял: пёс был прав. Он подумал, что пришёл ко мне на помощь. Он поступил как настоящий друг. Он знал, с кем имеет дело, и не испугался. Разве можно на это сердиться?

Я погладил Барбоску и сказал:

— Пойдём домой.

Наш путь проходил под отвесной каменной стеной. Трудно

сказать, что заставило меня поднять голову. Я поглядел наверх и чуть не сел от неожиданности. Он казался вырезанным из чёрной бумаги. Его голову украшали могучие рога — как только он держит такую тяжесть! Это был толсторог.

Я достал фотоаппарат и щёлкнул. Зверь не убежал, хотя и видел меня. Я и голову поднял оттого, что почувствовал его взгляд. Казалось, он позировал. Я отщёлкал всю плёнку. Теперь никто не скажет, что таймырский толсторог мне приснился. Я приеду сюда летом.

Если бы меня спросили, что такое счастье, я бы показал на толсторога.

ВЕРНИ СОБАКУ

Мы возвратились в посёлок, где жил бывший Барбоскин хозяин. В ожидании самолёта, мы отсыпались, отогревались и отъедались. Иногда выходили размяться на океанский лёд, или,

сидя па завалинке, подолгу глядели напрасные закаты. Снег отяжелел, ослаб, но ещё не таял.

Однажды, гуляя, мы встретились с бывшим Барбоскиным хозяином. Он обрадовался и пригласил нас в гости.

— Гляди, как отъелся кобель, — сказал он и покачал головой.

Мы подошли к его дому. Барбоска остановился у двери и поджал хвост. Он вспомнил те времена, когда в избу мог зайти только пёс-вожак.

— Иди, не бойся, — сказала я.

— Иди, — подтвердил бывший хозяин.

Он приготовил стол, мы закусили.

— Ну, как Барбоска? — спросил он.

И я стал не спеша рассказывать о нашем житье-бытье в тайге. Охотник внимательно слушал. Потом закурил и сказал:

— Собираюсь на охоту.

— Это неплохо, конечно, — поддакнул я.

— Вот только собаки нету. Нету, понимаешь, собаки...

Он нагнулся и стал гладить Барбоску. Пёс поднялся, поджал уши и глядел на меня. И я понял по его глазам, что ласки своего бывшего хозяина он терпит только из вежливости. Он весь напрягся, и шерсть на его загривке поднялась. Но охотник не замечал этого.

Продолжая гладить Барбоску, он повернулся ко мне:

— Может, отдашь?

— Что такое? — не понял я.

— Собаку, говорю, отдашь, может?

— Не отдам, — сказал я и, поблагодарив за угощение, поднялся.

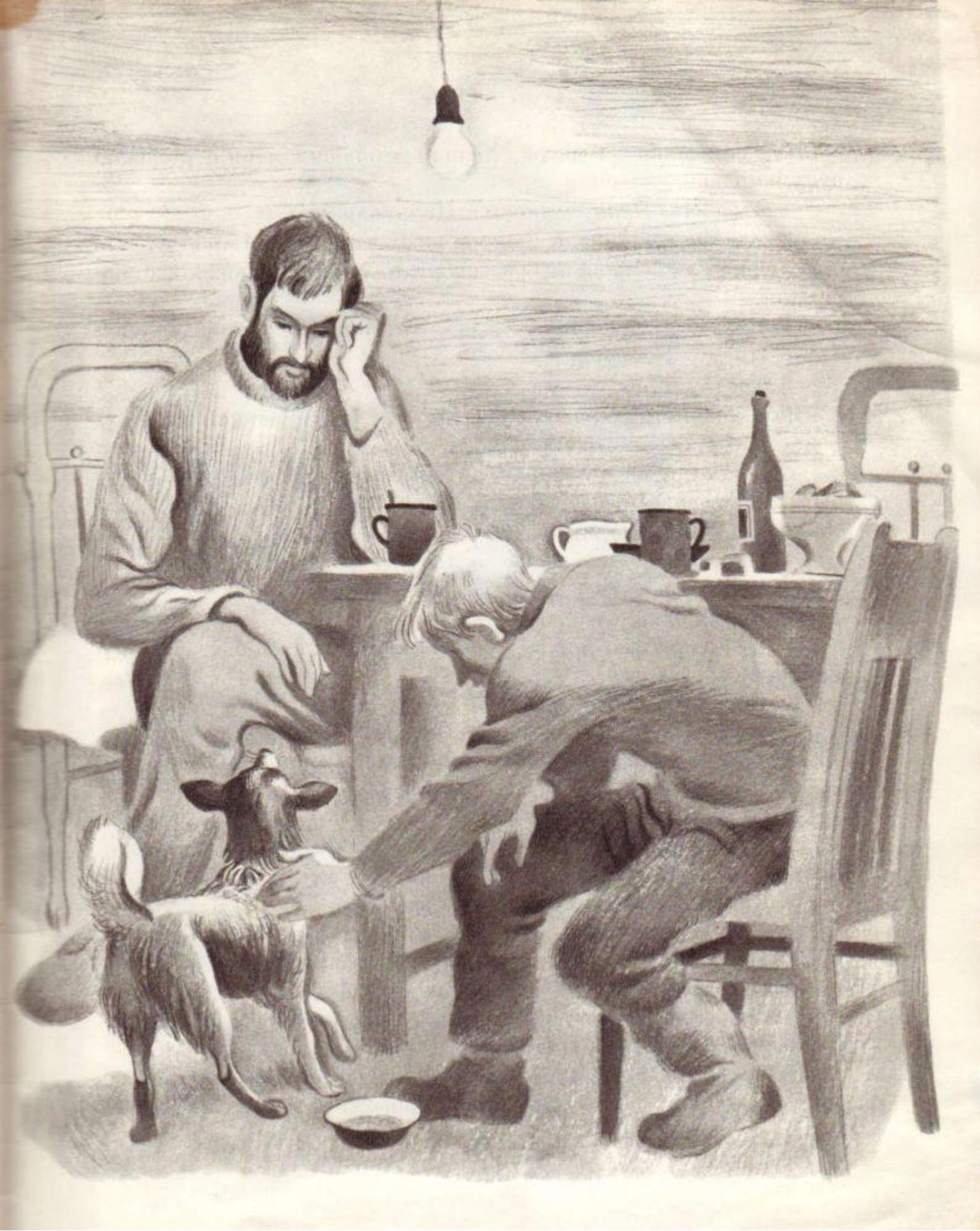
Барбоска выскользнул из-под руки охотника и подошёл ко мне.

— Ну, продай тогда.

— Не продам.

Дам двадцать рублей. Небось без денег сидишь после командировки?

— Нет, не продам.

И я направился к двери. Хозяин остановил меня и положил руку на плечо:

— Ты сядь. Куда спешишь? Не пожар ведь.

Я сел. Мы помолчали, покурили. Я глянул на Барбоску. Он прислушивался к нашему разговору и, мне думалось, всё понимал.

— Пятьдесят рублей! — сказал охотник и махнул рукой.

— Нет.

— Тогда сто!

Я молчал. Охотник смотрел на меня выжидающе.

— Сто — это хорошая цена, — сказал я.

— За сто рублей можно купить лучшего вожака, — сказал он.

— Надо спросить у собаки.

Охотник подлил мне чаю.

— Сто рублей — это много за такую собаку, — сказал он.

— Надо спросить у собаки, — повторил я.

Охотник поднялся.

— За сто рублей можно купить десять таких собак, как твой Барбоска.

— Надо его самого спросить.

— Ну, спроси! — Охотник перешёл на крик, — Спроси, и, если он в тайге научился говорить, он скажет, что сто рублей — это в самом деле много за такую собаку.

— Возможно, — сказал я.

Охотник продолжал настаивать. Он совсем не понимал меня.

Я нагнулся к Барбоске и подставил ему ухо.

— Скажи, что ты думаешь? — сказали.

Барбоска ткнул меня носом в ухо и лизнул щёку.

— Ну и что он сказал? — спросил охотник насмешливо.

— Он сказал, что друзей не продают.

Разговор был окончен. Охотник сел и задумался. Мы с Барбоской попрощались и ушли.

На другой день пришёл самолёт. Все местные жители высыпали на аэродром: кто встречать, кто провожать, а кто и просто так.

Ко мне подошёл незнакомый эвенк и спросил мою фамилию и имя. Я сказал.

— Подарку тебе принёс, — сказал он и протянул мне прекрасные камусовые лыжи.

— От кого подарок-то?

— От старика.

— Какого старика?

— Ты ему трубку подарил. Помнишь?

— Но за такие лыжи и ста трубок мало!

— А вот ещё подарка.

Эвенк вытащил из-за пазухи маленького толстого щенка.

— Семь родились. Все парни. Лучшая собака Кокальды — его мамка. Любит медведя и соболя. Шибко умная собака!

Охотники считают, что если очень хорошая собака родит щенков, а все щенки окажутся кобельками, то им и цены нет. Из них вырастут такие же охотники, как мать.

Щенок был маленький, как рукавичка. Я оглянулся и увидел бывшего хозяина Барбоски. Он, наверное, вышел к самолёту просто так, а может, проводить Барбоску. Он слышал наш разговор.

— Я слышал про Кокальды, — сказал он, — это у них одна из лучших собак. Вот бы...

Он не договорил и махнул рукой. Он знал, что такое щенок Кокальды, когда все — кобельки.

— Поехали! — крикнул мне лётчик.

Я протянул щенка охотнику и сказал:

— Бери.

Бывший хозяин Барбоски долго не мог понять, что щенка я отдаю ему. Наконец до него дошло. Он осторожно взял щенка.

— Спасибо, — пробормотал он. — Наверное, без денег сидишь после командировки?

— Сижу как надо, — сказал я. — А если он не будет тянуть лямку?

Охотник заулыбался.

— Так он же не ездовая собака, а промысловая. Он — охотник.

— Ну, чего резинку тянем? — спросил лётчик сердито.

— Да вот о собаках рассуждаем, — сказал я.

— А-а, о собаках? Тогда ладно.

Я залез в самолёт.

Загудели самолётные стартеры. Барбоска заволновался и спрятался под сиденье. Когда я нагнулся, он тихо застучал хвостом по полу.